

«У МЕНЯ НЕТ ЖЕЛАНИЯ ВООБРАЖАТЬ СЕБЯ МЕССИЕЙ»

ОДИН ИЗ САМЫХ УСПЕШНЫХ ПЕТЕРБУРГСКИХ МУЗЕЙНЫХ КОМПЛЕКСОВ «ИСААКИЕВСКИЙ СОБОР» — ИЛИ, КАК РАНЬШЕ ЕГО НАЗЫВАЛИ, МУЗЕЙ ЧЕТЫРЕХ СОБОРОВ — ЗА ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ СТАЛ МУЗЕЕМ ДВУХ СОБОРОВ, А ВСКОРЕ, ВЕРОЯТНО, СТАНЕТ МУЗЕЕМ ОДНОГО. В ИНТЕРВЬЮ КОРРЕСПОНДЕНТУ МАРИИ КАРПЕНКО НЕДАВНО ПОКИНУВШИЙ ПОСТ ДИРЕКТОРА МУЗЕЯ НИКОЛАЙ БУРОВ РАССКАЗАЛ, ПОЧЕМУ, БУДУЧИ ПРОТИВНИКОМ ПЕРЕДАЧИ СОБОРА ЦЕРКВИ, НИКОГДА НЕ ПОДДЕРЖИВАЛ ПРОТЕСТОВАВШИХ НА УЛИЦАХ.

ЕВГЕНИЙ ПАВЛЕНКО

GUIDE: Сколько мы ни освещали скандалы, связанные с петербургской культурной политикой — Исаакий, доска Маннергейма, мост Кадырова и прочие решения, вызвавшие общественный резонанс, — городские чиновники с грустью говорили: мы ни при чем, это решение Москвы, все идет оттуда, и показывали пальцем вверх. Как вы считаете, действительно ли петербургская культурная политика настолько вписана в вертикаль принятия решений?

НИКОЛАЙ БУРОВ: Это очень удобный способ. Это проще всего — показывать пальцем вверх, мол, это не я, это мне навязали. Вот это «не я» — оно становится таким же, каким было до 1991 года. Прошло 26 лет с момента политического слома в нашей стране, а мы опять пытаемся наступить на те же грабли: человек, не осознающий правоты движения, не должен участвовать в движении. Должна быть искренняя вера в то, что идешь туда, куда надо. Может, я слишком либерал, но мне ближе люди сомневающиеся — не циники, а сомневающиеся, потому что именно сомнение указывает путь к истине. Если сомнений нет — получается секта.

G: Эту тенденцию — когда людей тошнит, но они делают то, что велено, не будучи убежденными в правоте своих действий, в петербургской культурной политике вы замечаете?

Н. Б.: Безусловно. Например, если решение целиком и полностью зависит от Законодательного собрания, то на сегодняшний день там удивительное единство в квалифицированном большинстве. Есть оппозиционеры, но в количественном сравнении это, разумеется, смешно. Важно то, что мы все время в ситуации каких-то выборов, перерыв между ними — максимум года два. И если в обществе в значительных масштабах возникает ощущение подтасовок, какой-то неловкой игры — это очень опасная штука. В следующем году нам предстоят главные выборы — президентские, сразу после этого мы будем выбирать губернатора. Но как мы к этому идем? По дороге мы делаем массу глупостей, которые не надо бы делать именно в этот момент. Все, что затеяно с Исаакием, на мой взгляд, — это очень неловкая, неуклюжая ситуация, которую лучше бы отложить. Потому что в обществе она трактуется и так, и эдак. Не знаю, может быть, политехнологии предложат вдруг неожиданное решение, которое сгладит ситуацию.

G: Сейчас процесс затормозили.

Н. Б.: Ситуация зависла, и до выборов ее явно уже никто не тронет. Зачем ее вообще было трогать, тем более — в 2017 году? Мы все время забываем, что мы народ «датский», и к датам кратным мы относимся с особым уважением. Для кого-то столетие Великого Октября — это повод писать посты в блогах, а для кого-то — на улицы с митингами выходить.

G: По-вашему, инициаторы передачи Исаакия не понимали, каков будет уровень общественного протеста?

Н. Б.: У меня такое впечатление, что да. Еще в самом начале я задал вопрос (не скажу, кому): «Вы понимаете, что будет волна?» Мне ответили: «Ничего не будет». Я сказал, что будет — высокая и мутная. «Я не боюсь», — был ответ. А я — боюсь. Не нравится мне все это, и волна не нравится: она очень мешает работать.

G: За то время, пока длится конфликт вокруг Исаакия, вы никогда публично не поддерживали протестовавших против его передачи церкви политиков, однако свою позицию выражали четко, несмотря на то, что она шла вразрез с позицией, транслируемой петербургскими властями.

Н. Б.: Я по определению государственник, для меня государственные интересы превыше всего. Потому что государство — это и есть мы, отрывать эти понятия друг от друга очень губительно. Но вряд ли себя имеет право называть государственным человеком, который только со всем соглашается — и все. Будучи чиновником, я всегда спорил — не могу сказать, что яростно и вынося сор из избы на публичное обсуждение, но внутри процессов я достаточно упрямый человек. Надо же иметь все-таки свою позицию — конечно, в упрямстве она не должна доходить до идиотизма. Роман «Иллюзии» Ричарда Баха начинается с сюжета о том, как несколько существ сидят на дне реки и держатся за камни, но один из них перестает цепляться, его увлекает течение, и все остальные видят, что он плывет по поверхности реки, и называют его мессией. Так вот, у меня нет желания отрываться от своего дна и воображать себя мессией.

G: Как по-вашему, почему именно в последнее время обострились конфликты вокруг произведений искусства под лозунгами борьбы за нравственность?

Н. Б.: Вы обратили внимание, что таких склок не было в «нулевые» годы, в то

время, когда произошел резкий рост благосостояния? Эти конфликты берутся от «неустроя», от того, что мы стали жить напряженнее. Страна в тяжелой ситуации, но при этом я нахожусь на стороне наших правителей: нам надо было проявить характер, заявить позицию по Крыму и по Сирии. Из-за этой позиции у нас отнимают пряники — вводят санкции. Когда ужесточаются условия жизни бытовые, материальные, человек начинает искать дырочку для выхода негативной энергии. Все эти борцы за нравственность нашли дырочку, свисток, откуда пар можно выпустить.

G: Конфликт с Исаакием — тоже из серии «выпустить пар»?

Н. Б.: Скорее из серии очень неудачного, непродуманного, несовершенного закона, который неясно, как исполнять. А кроме того, роль сыграли личностные качества персонажей из музейного и церковного цехов: сошлись люди упрямые, волевые, с накачанной мускулатурой. Одни опираются на закон, и вторые на закон, только законы разные. Приняли в свое время закон непродуманный, купированный под интересы одной стороны, — отсюда конфликт. Такой закон должен быть избирательным, а он сегодня тотальный.

Уходя с поста директора Исаакиевского собора, я давал рецепт — три действия, которые позволили бы всем сохранить лицо, успокоить людей и сохранить музей. Единственное — церковь, сохранив лицо, не получила бы ничего материального, к чему стремится. Рецепт простой: объявить Исаакий ставропигиальный, то есть патриаршим храмом — в таком храме отсутствует приход с ежедневными нуждами и требами. Закрепить за Исаакием обязанность проведения всех двенадцатых праздников на уровне патриарха и митрополитов, но не ниже епископов. Музей полностью учитывал бы потребности таких богослужений и брал бы на себя всю подготовительную, расходную часть обязательств — под чутким руководством специально назначенного человека от епархии — и экскурсионную работу формирует в соответствии с необходимостью проведения таких служб. Но подчинение музея должно измениться: раз храм ставропигиальный, то и подчинение должно быть московским — лучше всего не Минкульту, а управлению делами президента.

Как ни странно, этот сценарий решает все проблемы. Лицо церкви сохранено, отвергнуты все обвинения в стремлении зарабатывать деньги — можно сказать: вот, пожалуйста, музей как был, так и есть, а церковь только о святом заботится. Никаких расходов даже на управделами президента не ложится. И такая модель более всего походила бы на дореволюционную. Более того, учитывая, что у музея сейчас есть новые здания, там можно было бы создать музей президентской власти в России. Мы в XXI веке живем, нам нужно придумывать новые ходы! Но это по-другому видят в епархии.

G: Почему у вас не сложились отношения с нынешней епархиальной командой?

Н. Б.: Я быстро понимаю, что за человек передо мной, обычно люди сразу определяют в своих намерениях. Если человек приходит к тебе домой в гости и спрашивает: «Что это за болван здесь стоит?» — «Это не болван, это мой дядя». — «Неправильно, здесь должен стоять мой дядя». — «Подождите, ведь это вы пришли ко мне в гости». — «Неважно». Вот так мы с этими людьми общались. Раньше у нас была очень слаженная, добрая, хорошая команда, были прекрасные отношения между сотрудниками музея и церковью. 12 июня, в день Исаакия Далматского, в соборе служил владыка Владимир, митрополит на отдыхе. И после службы все музейщики провожали его, чуть не плакали. При нем был мир, было равновесие. Но была и его воля, когда он говорил: «А Смольный собор-то надо бы отдать...» Все равно мы очень уважительно общались и равновесно, не было хамства и «черезголовья», когда вопрос пытаются решить не через меня, а через какого-то моего начальника. У всех нас один главный начальник — Господь Бог.

G: Не потому ли, что стилистика общения была другой, скандалов, подобных «исаакиевскому», не было при передаче церкви Смольного и Сампсониевского соборов?

Н. Б.: Действительно, не было скандалов! За оба собора музей получал равноценную замену — здания на Думской и Большой Морской улицах. По поводу Исаакия и Спаса на Крови было заявлено, что о них разговора нет. Ключевое различие — это стиль общения. Тот, кто приносит в этот город оглтелую стилистику, всегда вызывает отторжение. Умение вести компромиссный диалог — это в современном мире необходимость. ■